

История
и легитимация:
Соединенные
Штаты Америки
в «войне против
терроризма»
(2001–2004)

Жозеф Бельтанта

Доктор политологии, сотрудник политологической лаборатории Triangle в Лионе.

Адрес: 15 parvis René Descartes, BP 7000, 69342 Lyon Cedex 07, France.

E-mail: joseph.belletante@gmail.com.

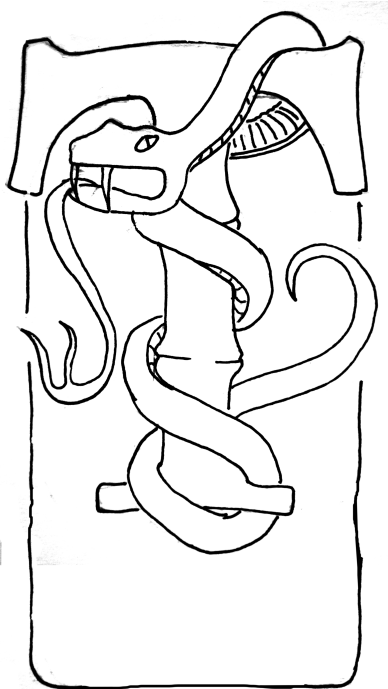
Перевод с французского
Ольги Масловой-Вальтер

выполнен по изданию:

© Belletante J. Récit et
légitimation: les États-Unis
en guerre contre le terrorisme (2001–2004) // Études
de communication. 2010.
Vol. 34. P. 177–192. Публику-
ется с любезного разреше-
ния автора.

Ключевые слова: терроризм; Америка; на-
ративная политика; сторителлинг; пропаган-
да; актантный анализ; администрация Буша.

Геополитический концепт «война против терроризма» был создан администрацией президента США сразу после трагических событий 11 сентября 2001 года. Автор статьи отталкивается от новых подходов к анализу

Террористические атаки 11 сентября 2001 года впервые импортировали в США ближневосточный терроризм¹. Они обозначили и символизировали собой разрушение национальной политической «истории», основанной на понятии сверхдержавы². Шок, вызванный этими террористическими актами, привел к образованию пробелов

. См.: Tertrais B. La guerre sans fin. L'Amérique dans l'engrenage. P.: Seuil, 2004.

. Обращение Джорджа У. Буша в Национальный день памяти Перл-Харбора 6 декабря 2002 года: «На руинах Перл-Харбора Америка строит самый крепкий в мире флот и становится сверхдержавой, чтобы затем привести коалицию союзников к полной победе над злом во Второй мировой войне».

политического дискурса, кристаллизовавшихся в понятии сторителлинга. В статье анализируется, как, начиная с правления Рональда Рейгана, американское руководство прибегает к созданию новых мифов о единстве и уникальной миссии нации. Белый дом начал поощрять создание историй о борьбе добра со злом, чтобы превратить выборы 2004 года в моральную коллизию. Нарративному анализу подвергаются четыре речи Джорджа Буша-младшего. Показывается, как «история» становится в них средством легитимации политической и военной программ, какими средствами производится фиксация на соотношении сил с целью оптимизации политических выгод от «истории».

Автор статьи применяет к анализу эволюции господствующего американского политического дискурса актантный анализ Альгирдаса Жюльена Греймаса. Американский гражданин

представляет собой главного героя, субъекта истории. Его психическому и физическому состоянию был нанесен вред, и с этого момента он должен бороться за восстановление мирового порядка и демократии, чтобы добиться торжества свободы и справедливости над злом (являющимся объектом). Для этого ему необходимо обнаружить группы террористов (*врагов*), атаковавших его, чтобы помешать им нанести еще больший вред, и не попасть к ним в руки или не оказаться в символическом тылу терроризма. В этом ему будет помогать американская армия (вспомогательное средство, *помощник*) и ее ударная мощь, управляемая и приводимая в действие Джорджем Бушем, главнокомандующим и гарантом нации (*отправитель*), который делает все возможное для привнесения ценностей американской демократии в современный мир (*получатель*).

как в политическом нарративе, так и в осмыслении и обсуждении прошлого, настоящего и будущего. Такая ситуация заставила власть предрержащих менять способы интерпретации, чтобы справиться с хаосом и вернуть смысл в мировое равновесие, омраченное новой угрозой, столь же плохоразличимой, сколь и труднообъяснимой.

У создателей дискурса «пост-11/9» не оказалось достаточно времени на развитие разработанной «истории»; скорее, ужас и возможность новых атак с воздуха подтолкнули их к поиску и выуживанию в корнях американского синтаксиса и в популярных мифах тех манихейских акцентов, которые были заложены в основание американской демократии, но несколько ослабили и утратили остроту после окончания холодной войны³. Впослед-

3. Boniface P., Hassner P. *Réflexions critiques sur la scène internationale* // *Revue Internationale et Stratégique*. 2002. № 46. P. 14. Администрация Буша воспользуется этим обновленным нарративом, демонстрирующим биполярную схему отношений между «добром» и «злом», чтобы обновить референтное отношение американцев к *мягкой власти*, отличающей главным образом правительство Клинтона, и к *жесткой власти*,

ствии они логичным образом адаптировались к обстоятельствам, к первым реакциям жертв и наблюдателей и постепенно внесли изменения в терминологию, нацеленную на ведение борьбы с терроризмом во всех концах света.

Таким образом, выражение «война с терроризмом», подразумевавшее вначале «войну против террора», то есть против дьявольского врага, заменилось впоследствии более успокаивающим и обнадеживающим дискурсом, связанным с поворотом США к сложностям реальности. Главной темой становится теперь «война за свободу».

Во Франции исследование политической наррации приобрело недавно новый импульс в связи с понятием сторителлинга, появившегося в Штатах с началом президентства Рональда Рейгана⁴. Можно определить сторителлинг как дискурс, направленный на создание уникальной «истории», которая придавала бы смысл разрозненным фрагментам и позволяла бы использующим ее легитимировать сообщения или действия, следовать определенным личным интересам и при этом объединять клиентов, телезрителей или избирателей⁵. Такая история может, следовательно, регулировать реакции и волнения индивидуумов, вызванные некоторым особым событием⁶, поскольку предлагает им интегрировать в их рассуждения одну или же несколько нарративных схем и структур, находящихся отклик в некоторых из их ментальных или воображаемых представлений⁷.

Если принять во внимание, что создание «историй» вообще представляет собой один из первоначальных видов деятельности человека⁸, то неудивительно, что на протяжении XX века оно привело к появлению разнообразных профессиональных техник, связанных с выработкой экономических, художественных или политических «историй», при помощи которых политики в течение долгого времени пытались освободиться от слиш-

отличающейся регулярным использованием вооруженных сил в международных конфликтах.

4. См.: *Salmon Ch.* Storytelling. La machine à fabriquer des histoires et à formater les esprits. P.: Editions La Découverte, 2007. P. 124–125.
5. *Poletta F.* It Was Like a Fever: Storytelling in Protest and Politics. Chicago: University of Chicago Press, 2006. P. 16.
6. *Wong M. Ch.-P.* The effects of story schemata on narrative recall. Hong-Kong: Lang Book Chapters, 1995. P. 147.
7. *Juarrero A.* Dynamics in Action, Intentional Behavior as a Complex System. Cambridge: MIT Press, 1999. P. 213.
8. *Turner M.* The Literary Mind. N.Y.: Oxford University Press, 1998. P. 15.

ком уж негативного термина «пропаганда»⁹, чтобы расширить сферу влияния и войти в высшие эшелоны власти. Здесь речь пойдет об интересующем нас политическом использовании американской «истории» о борьбе с терроризмом в период с 2001 по 2004 год, то есть во время первого президентского мандата Джорджа У.Буша. «Истории», вначале с успехом использующей национальный траур и чувство единения американского народа, контролируемое и управляемое средствами массовой информации¹⁰, чтобы занять пространство дискурса и лишь затем «официально» допустить выражение иных точек зрения гражданскими манифестациями или целыми штатами. Мы предлагаем также задаться вопросами структуры и эффективности этой «истории», воспринимаемой как способ легитимации власти республиканской администрацией для реализации ее политических планов, распространяющихся как на внешние военные интервенции (конфликты в Афганистане и Ираке), так и на внутренние дела, за счет кристаллизации соотношения сил между врагами и защитниками демократических ценностей в преддверии президентских выборов 2004 года.

Для этого мы решили изучить содержание четырех речей американского президента, произнесенных в течение указанного периода. Данные речи трансформируются в «историю» либо для обоснования политики войны с терроризмом, либо для управления этой политикой в зависимости от обстоятельств, если принять различие, проведенное Патриком Шародо¹¹. В этот корпус входят «основополагающая» краткая речь, произнесенная перед конгрессом 20 сентября 2001 года, затем две яркие речи, посвященные внешней политике, одна из которых была произнесена перед кадетами Военной академии Вест-Пойнт 1 июня 2002 года, а вторая — перед студентами Университета Южной Калифорнии 9 мая 2003 года. Кроме того, мы рассмотрим обращение к сторонникам республиканской партии от 2 сентября 2004 года¹², сделанное во время конвенции партии, проходившей в Нью-Йорке. Каждый из этих трех последних текстов отражает ступень

9. См.: *Bernays E. Propaganda*. N.Y.: Horace Liveright, 1928.

10. См.: *Lits M. Du 11 septembre à la riposte. Les débuts d'une nouvelle guerre médiatique*. Bruxelles: De Boeck, INA, 2004.

11. *Charaudeau P. Le discours politique. Les masques du pouvoir*. P: Vuibert, 2005. P.36.

12. Первые три речи можно найти на сайте <http://www.america.gov/>, а четвертую — на сайте республиканского национального комитета: <http://www.gop.com/>.

в борьбе, проводимой Соединенными Штатами, и представляет исключительно важную адаптацию нарративной матрицы, созданной в 2001 году, а именно: сначала постериорное обоснование войны в Афганистане, затем — войны в Ираке и, наконец, изменение риторики в рамках избирательной кампании.

«История» как средство легитимации политической и военной программ

Администрация Буша никогда не скрывала своей склонности к сторителлингу¹³, который откровенно использовался с целью убедить американский народ в необходимости проведения международной политики, направленной на борьбу с терроризмом. Систематическое обращение к военным метафорам, так же как и к реальным фактам террора, в первых речах президента Буша после атак 11 сентября подготавливала американскую и международную общественность к военному вмешательству, легитимируя интервенционистскую политику, направленную на защиту национальных стратегических интересов¹⁴. «История», поддерживающая «войну с терроризмом», появляется начиная с первых абзацев послания Джорджа Буша-младшего к конгрессу от 20 сентября 2001 года. В нем проводится различие между этой войной «нового порядка» и теми, что велись в прошлом в Ираке и Косово, чтобы сформировать уникальную объединяющую идентичность для этой «цивилизационной» битвы. На этот раз речь идет о том, чтобы «идти дальше», «сражаться со всеми врагами свободы» в мире, говорится об «осажденной» свободе, которую должны защитить американцы, «ненавидимые преступниками», которые хотят «уничтожить евреев и христиан на всех просторах Азии и Африки»:

В этот вечер мы — это страна, проснувшаяся в опасности и призванная защитить свободу. Наша скорбь превратилась

13. В своей статье «Без сомнения, веры, определенности — президентство Джорджа Буша-младшего» (*Without a doubt, faith, certainty and the presidency of George W. Bush*), опубликованной в «Нью-Йорк Таймс» 17 октября 2004 года, журналист Рон Саскинд передает слова близкого советника президента, с которым тот якобы поделился летом 2002 года своим мнением об Америке: «Теперь мы — империя. Наши действия создают нашу собственную реальность... Мы — действующие лица истории».
14. *De Durand E. Des différents usages du terme guerre et de leur signification dans les représentations politiques américaines* // *Transatlantica*. 2001. № 1.

в гнев, и гнев стал решением. Предадим ли мы наших врагов справедливому суду или мы сами свершим справедливый суд над нашими врагами, но справедливость восторжествует.

Мы можем, таким образом, присвоить каждому персонажу, непосредственно принимающему участие в этой предложенной американским правительством «истории», значение актанта, семантическую роль, необходимую для выявления различных функций «истории». *Американский гражданин* представляет собой главного героя, субъект истории. Он был подвергнут неблагоприятному воздействию¹⁵, атаки 11 сентября нанесли вред его психическому и физическому состоянию, и с этого момента он должен бороться за восстановление мирового порядка и демократии, чтобы *добиться торжества свободы и справедливости над злом* (являющимся объектом). Для этого ему необходимо обнаружить *группы террористов* (врагов), атаковавших его, чтобы помешать им нанести еще больший вред, и не попасть к ним в руки или не оказаться в символическом тылу терроризма. В этом ему будет помогать *американская армия* (вспомогательное средство, помощник) и ее ударная мощь, управляемая и приводимая в действие *Джорджем У. Бушем*, главнокомандующим и гарантом нации (дестинатор), который сделает все возможное для привнесения ценностей американской демократии в *современный мир* (получатель).

Террорист, ставший врагом, носителем террора, требует от американского субъекта подняться и взяться за оружие, чтобы защитить свою честь и свою свободу, — вот сценарий «бесконечной» войны¹⁶ с терроризмом, в которую вступили Соединенные Штаты¹⁷. В этой борьбе «противоядием» может служить лишь демократия¹⁸. Если американский ответ на атаки 2001 года сначала принял форму ожесточенного конфликта в Афганистане («Несокрушимая свобода»), а затем был продолжен операцией «Иракская свобода» в 2003 году, то вместе с этим видоизме-

15. То, что Греймас назвал «утрата, нехватка или желание». См.: *Greimas A. J. Sémantique structurale*. P: Larousse, 1966.

16. См.: *Tertrais B.* Op. cit.

17. Следует уточнить, что смысл слова «война» меняется от культуры к культуре и что в Америке оно традиционно означает привилегированное действие государства (и его администрации), направленное на укрепление его позиций на международном уровне (*De Durand E.* Op. cit.).

18. См.: *Vandehai J.* Bush Calls Democracy Terror's Antidote//The Washington Post. March 9, 2005.

нялась и политическая «история», менялись установки главного героя истории, переходившего от роли солдата, задачей которого было раскрытие планов террористических групп, к роли рыцаря, несущего мир на Ближний Восток. «История» о терроре, в которой смешаны логос и пафос, служит военным планам и в любом случае позволяет администрации Буша продолжительное время применять силу при урегулировании конфликтов. Предыдущие доктрины, характеризующиеся установлением преград или тактикой сдерживания, заменяются понятием превентивной войны как знака наступательного характера решений Вашингтона. Хотя тень Рональда Рейгана еще реет над Америкой, международные отношения отныне рассматриваются в свете триумфального реализма:

На протяжении прошлого столетия внешняя политика США была основана на доктринах сдерживания и предотвращения. В некоторых случаях эти стратегии могут применяться и сейчас. Но новые угрозы требуют новой политики. Предотвращение не может противостоять невидимым террористическим сетям, в которых нет ни наций, ни граждан, которых надо защищать. Сдерживание невозможно, когда сумасшедшие диктаторы, обладающие оружием массового поражения, могут создавать все новое оружие и передавать его своим союзникам... Война против терроризма не может быть выиграна, если оставаться в обороне. Мы должны атаковать врага, чтобы он потерпел поражение, мы должны противостоять угрозам еще до того, как они проявились (аплодисменты). В том мире, который принадлежит нам, единственная дорога к безопасности — дорога действия. И наша нация будет действовать (аплодисменты)¹⁹.

В речи в Вест-Пойнте тоже присутствуют классические темы и примеры дискурса о войне с терроризмом²⁰, но при этом добавляются новые мотивы, а именно говорится о существовании «неуравновешенных диктаторов» и «оружии массового поражения»:

Наиболее серьезной опасностью, угрожающей свободе, является опасное пересечение радикализма и технологии. Когда

19. Речь президента Буша на выпускной церемонии в Вест-Пойнте 1 июня 2002 года.

20. «Мы находимся в зоне конфликта между добром и злом, и Америка зовет зло своим именем. Атакуя зло, существующее в режимах беззакония, мы не создаем проблемы, мы их выявляем. И мы возглавим мировую борьбу, чтобы противостоять злу».

распространяется химическое, биологическое и ядерное оружие, когда существует технология для производства баллистических ракет, то даже слабые государства и маленькие группы людей могут обладать катастрофической мощностью, позволяющей им поражать большие нации. Наши враги продемонстрировали свою решимость это сделать, но мы их опередили в их попытках завладеть этим ужасным оружием. Они хотят получить возможность вредить нам и нашим друзьям, подвергать нас шантажу, и мы будем противостоять им изо всех сил.

Такая установка, открыто нацеленная против Ирака, в скором времени затронет политических и экономических партнеров страны. «История» чересчур быстро развивается в авторитарном направлении. И американская администрация собирается обосновать нападение, используя для вступления в войну демократическую философию, которая не говорит о сражении наций, а предлагает сообща работать на победу ценностей равенства и свободы. Буш подтверждает эту новую либеральную линию в речи 9 мая 2003 года в Университете Южной Каролины:

То, что происходит на Ближнем Востоке, чрезвычайно волнует Америку. Горечь, царящая в этом регионе, может принести насилие и страдание и в наши города. Если принести свободу и мир на Ближний Восток, то это может смягчить горечь и укрепить нашу безопасность. Поэтому сегодня я хочу обсудить с вами большой проект, касающийся нашей нации. Мы собираемся использовать наше влияние и наш идеализм, чтобы на смену старым ссорам пришли новые для Ближнего Востока надежды (аплодисменты).

От террора к идеализму, от страха к надежде — весь словарный состав, связанный с террористическими актами 11 сентября, без сомнения, смягчается, потому что, с одной стороны, растет число международных протестов и обвинений США в односторонних действиях и, с другой стороны, цель перевооружения страны уже была достигнута и столь рекомендуемая советниками президента Буша война с Ираком начата:

Будущее мира невозможно без поражения террора... В войне с Афганистаном мы разрушили один из самых диктаторских режимов на планете, мы уничтожили почти всех террористов на его территории... И в войне с Ираком мы сражались с режимом, который помогал террористам, который владел оружием массового поражения, представляющим угрозу

миру, и который преследовал свой народ. Этот режим более не существует (аплодисменты). <...> Мы намереемся помочь Ближнему Востоку развиваться с надеждой, а не в страхе. Благодаря идеалам нашей нации мы с вами не будем больше жить в эпоху террора. Мы будем жить в эпоху свободы.

Чтобы оправдать американскую интервенцию в эту страну, война с терроризмом, которая до этого момента опиралась на мобилизационное понятие «террора»²¹, приняла форму борьбы с распространением ядерного оружия, а потом — войны с «диктатурами»²². Речь смягчается. Этот новый подход во внешней политике находит свое выражение в «истории», в которой рассказывается о желании заняться тремя основными задачами: создать международное сообщество демократий, в этом сообществе направить усилия на обеспечение безопасности и одновременно «умерить» отчаяние поработанных народов, из которого берет начало терроризм, и, наконец, «распространить» базы, необходимые для установления стабильных демократических режимов на планете.

Переустройство Соединенными Штатами Ближнего Востока²³ располагается в центре этой риторики, уже лишенной воинственных акцентов. Разумеется, со стороны Америки присутствует заинтересованность и в энергетических ресурсах (нефти и природном газе), но это далеко не все — существуют более значимые интересы. Политическая «история» борьбы с терроризмом позволяет объяснить долгосрочное присутствие национальной армии в регионе. Она готова обслуживать интересы политики, ориентированной впредь на Иран, Россию и прежде всего на Китай, будущего врага номер один американского правительства. Война против терроризма должна продолжаться, чтобы сохранить максимум военных и стратегических преимуществ.

21. Говоря о терроризме как о «глобальной сети террора», подлежащей уничтожению, подобно «сорной траве, где бы она ни росла», администрация Буша, в свою очередь, «терроризирует» население, которому предлагает осуществить выбор между лишь двумя возможными категориями идентификации, каковыми, по ее мнению, являются «свобода» и «страх». Выбрать свободу означает полностью встать на сторону американских властей, противоположный выбор означает принятие намерений «оси зла» (этот термин впервые появился в речи 20 сентября 2001 года).

22. *Tertrais B.* Op. cit. P. 34.

23. См.: *Aoun S.* Le remodelage du Moyen-Orient, de l'Irak à la Syrie. Montréal: Études Raoul-Dandurand, 2005.

цеств в рамках международной гегемонии²⁴. Если война продолжается, то «история» должна регулярно приспосабливаться к ситуации, видоизменяться так, чтобы те, кто ее слушает, не могли считать единство ее смысла с действиями, начатыми в сентябре 2001 года; «история» должна быть понятной и объясняющей большое количество поставленных задач и методов для их выполнения. При этом «история» постоянно поддерживает соотношение сил, необходимое для идентификации субъекта как центра структуры, делая таким образом возможным для получателей сообщения идентифицировать себя в речи рассказчика. Помещая на протяжении долгого времени тему зла в центр нарративной схемы, американская администрация демонстрирует намерение не ограничиваться рамками просто военных целей, а подпитывать президентские амбиции республиканского правительства, несмотря на то что военные действия не дают достаточных результатов.

Фиксация на соотношении сил

с целью оптимизации политических выгод от «истории»

В своей теории «двойной массы»²⁵ Элиас Канетти обосновывает гегемонию государства наличием врага, отражающего и упрочивающего превосходство политической власти. Именно за счет того, что появляется враг, которого можно представить как угрозу, поддерживается могущество государства. Исчезновение советского блока в конце холодной войны сильно пошатнуло господство Америки на международной арене, и ей требовалось в короткие сроки найти новый объект, на который можно было бы опереться как на идеологическом, так и на нарративном уровнях.

Терроризм начал играть эту роль в течение 1990-х годов, но лишь атаки 11 сентября позволили ему получить статус первостепенного врага²⁶, единолично структурирующего набор государственных стратегий, требующего даже особенный словарь, соответствующий уникальной форме нового обсуждаемого врага. Определение, которое Америка дает терроризму, намерен-

24. *Kagan R. Strategic dissonance // Survival. Winter 2002–2003. P. 138–139.*

25. См.: *Canetti E. Masse et puissance. P.: Gallimard, 1966.*

26. См.: *Russell J. A., Casebeer W. D. Storytelling and Terrorism: Towards a Comprehensive Counter-Narrative Strategy // Strategic Insights. 2005. Vol. 4. Iss. 3. P. 1–16.*

но неясное, неточное²⁷. Оно начинается, собственно, с вывода на сцену террористических группировок, конкретно «Аль-Каиды», заявляющей, что ее войска и ее руководители «невидимы» и «непредсказуемы»²⁸. Администрация Буша использует эту аргументацию для обоснования быстроты и силы военного реагирования на местности:

Америка подверглась нападению безжалостного и изобретательного врага... Наша безопасность требует безупречной работы разведывательных служб для обеспечения информацией об угрозах, тающихся в пещерах или лабораториях... Мы найдем тех, кто создает эту зловещую угрозу для нашей страны и всего мира... В прошлом враги нуждались в огромных армиях и в большой индустриальной мощи, чтобы представлять опасность для американского народа, для нашей нации. Для атак 11 сентября понадобилось лишь несколько сотен долларов в руках и несколько десятков человек с дьявольскими и полными иллюзий душами²⁹.

Таким образом, администрация Буша с помощью сторителлинга развила обобщающую риторику вокруг концепта «Аль-Каиды» и обозначила главное лицо, ответственное за атаки, совершенные на американской территории, которое и стало представителем зла. В своей речи 20 сентября 2001 года Джордж Буш-младший не делает тайны из личности террористов, которых требуется найти:

Эта группа и ее лидер, человек по имени Усама бен Ладен, связаны с многочисленными организациями в разных странах, среди которых можно назвать «Египетский исламский джихад» и «Исламское движение Узбекистана». Тысячи террористов находятся более чем в шестидесяти странах. Они завербованы в своих или в соседних с ними странах и переправлены в специальные лагеря, расположенные, например, в Афганистане, где они проходят обучение террористическим тактикам. Потом их возвращают на родину или отправляют

27. Министерство обороны видит в этом «призывы к неправомерному насилию в целях вызвать страх, ограничить или запугать гражданские власти и общество, на что, как правило, имеется политический, религиозный или идеологический заказ». См.: Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. P. 531.

28. См.: Cahiers de Médiologie. 2002. № 13. No. spéc. «La scène terroriste» / C. Lavenir, F.-B. Huyghe (eds).

29. Речь президента Буша в Военной академии Вест-Пойнт 1 июня 2002 года.

в другие страны, где они втайне разрабатывают жестокие разрушительные планы.

Тем не менее он придает несколько дидактический оттенок своему выступлению, задавая американским гражданам четыре вопроса: «Кто напал на нашу страну? Почему террористы нас ненавидят? Как мы собираемся выиграть эту войну? Чего ожидает от нас Америка?» Это экспрессивное обращение, в котором президент США задает вопросы и сам на них отвечает, подчеркивает манихейское видение надвигающегося конфликта между американской цивилизацией и мракобесием врага: «Свобода и страх, справедливость и жестокость враждовали всегда, но мы знаем, на чьей стороне Бог»³⁰.

Террорист, являющийся агрессором, должен, следовательно, уйти с первого плана, на котором он присутствовал как запускной механизм «истории», уступая его жертве нападения, создающей соотношение сил, меняющее установленный порядок в «истории», и становящейся защитником цивилизации, истинным героем современного мира. Новый сценарий, в котором «хорошие» борются со «злыми», основательно разворачивает направление нарративного конфликта и помещает Америку в центр не только войны с терроризмом, но и войны за свободу. С тех пор, как однажды семантическая пустота, образовавшаяся после террористических атак, была заполнена, стала возможной полная перемена взглядов американцев. Она образуется вокруг следующих четырех утверждений³¹: терроризм — это враг; он является международным (связанным с другими государствами); фронт занимает все пространство (как внутри страны, так и за ее пределами); каждое государство должно выбрать свой лагерь.

Такая организация риторики, выстроенная вокруг войны с терроризмом, опирается на лексическую базу идеологического словаря столь же разнообразную, сколь и неоконсервативную, связанную как с религиозным фундаментализмом, так и с политическим реализмом³². Таким образом, война «в эпоху терроризма» или «с терроризмом» соответствует реалистичному регистру правительственной лингвистической палитры, тогда как борьба со «злом» выражает представления, защи-

30. Речь президента Буша в американском конгрессе 20 сентября 2001 года.

31. *Sicherman H. Finding a Foreign Policy // Orbis. Spring 2002. P. 219–220.*

32. См.: *Tertrais B. Op. cit.*

щаемые сегодняшними миссионерами, к которым относится большое число членов администрации Буша. Наконец, понятие «террор» относится к неоконсервативной политической культуре, модернизированной Рональдом Рейганом, который не сомневался в правомерности констатации «террора» одновременно и во внутренних делах (инфляция), и во внешних (Советский Союз)³³.

Для того чтобы подчеркнуть освободительную функцию американского вторжения на территорию Ирака, «история» в целом и в особенности политическая «история» нацелены на трансформацию негатива в позитив. Эта позитивность позволяет рассказчику поместить себя в центр «истории» и организовать мир при помощи интерпретации, в которой роль врага дается тем, кто мешает реализации его желаний и его намерений, а также помогает заставить получателей новой истории разделить его мнение.

Президент Буш намерен и впредь использовать эту возможность и распространить влияние «истории» на сферу внутренней политики и на устройство собственного политического будущего. В ходе первой президентской кампании Буш получил меньшее количество голосов, чем его противник, кандидат от демократической партии, и, вступив в должность, не стал затрудняться созданием собственной политической судьбы, а воспользовался политическим наследием своего отца, Джорджа Буша-старшего. Опыта работы на посту губернатора Техаса было недостаточно, чтобы уничтожить сомнения в способности Джорджа Буша-младшего руководить государством. Но поскольку он оказался способен стать президентом, то он становится и дестинатором «истории», суверенным актантом и гарантом демократических ценностей.

Он может позаботиться теперь о собственном образе, создаваемом им самим с помощью этих речей, и подчеркнуть этос в содержании «истории»³⁴. Создавая свои речи на основе «исто-

33. В своей инаугурационной речи 20 января 1981 года Рейган выразил намерение «остановить инфляцию и тем самым освободить каждого американца от террора беспрерывно растущих цен». Термин «террор» будет применен и в отношении советского режима в речи о союзном государстве, произнесенной 4 февраля 1986 года: «Остается значительной угрозой применения советской военной силы».

34. *Charaudeau P.* Op. cit. P. 87. «Самым почетным долгом американского президента является защита американского народа. Если Америка продемонстрирует в этом десятилетии нерешительность и слабость, в мире

рии», сравнимой с историями из «Тысячи и одной ночи»³⁵, в своих словах он к тому же лишает противников оружия, способного противостоять его военным достижениям, и обвиняет их в недостаточно ясной аргументации:

История, история Америки — это история развития свободы: это круг, все более расширяющийся и включающий в себя все больше и больше. Главная миссия нашей нации остается нашим самым важным обязательством: во всем мире и в нашей стране мы раздвинем границы свободы... Сейчас, как и всегда, я различаюсь с моими противниками в подходе к этому вопросу... Но разве трудно поддерживать наши войска в их борьбе? <...> Со мной вы знаете, во что я верю и за что сражаюсь³⁶.

Буш извлекает максимум политических козырей из наземных военных действий. Он становится главнокомандующим армией с неограниченной властью, властью, которую надо гарантировать победами и мощными наступлениями в зоне конфликта. Он выступает в роли главного руководителя восстановления Америки и параллельно обязуется выдвинуть свою кандидатуру в 2004 году, чтобы продолжить работу, которой, по определению, нет конца, потому что она направлена на борьбу с террором³⁷.

произойдет трагедия. Этого не случится во время моего правления. Я приду к власти с четким и позитивным планом построения более надежного мира и более оптимистичной Америки» (Буш, 2004).

35. См.: *Chernus I.* Karl Rove's Scheherazade Strategy. URL: <http://www.tom-dispatch.com/post/99707/>, а также книгу: *Monsters to Destroy: The Neo-conservative War on Terror and Sin.* Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2006.

36. Речь Джорджа Буша-младшего на республиканской конвенции в Нью-Йорке 2 сентября 2004 года.

37. Лингвист Джордж Лакофф из Института Рокридж отметил в 2006 году, что политическая заинтересованность в использовании термина «террор» в стратегиях внутренней и внешней политики обусловлена исключительно неясным и абстрактным значением слова, что позволяет планировать бесконечную войну. «В самом деле, террор не может быть уничтожен армиями или прекратиться после подписания договора». Таким образом, этот термин можно регулярно применять по отношению к «терроризму», проявления которого трудно зафиксировать, что приводит к противоречивой оценке результатов действий, направленных на борьбу с ним, и вместе с этим к разработке политического дискурса на продолжительное время.

Заключение

Итак, мы видим, что «история» борьбы со злом, разработанная американским государством в период с 2001 по 2004 год, позволила легитимировать методы внутренней и внешней политики, благоприятствуя созданию климата общественной безопасности, что в конечном итоге было использовано кандидатом Бушем, который занял Белый дом еще на четыре года. Таким образом, президент использовал сторителлинг, чтобы остаться у власти, он писал свою «историю», адаптируя ее к международному контексту, или же использовал «истории» других, чтобы повысить собственную ценность³⁸. Но увязание американских войск в Ираке постепенно стерло образ спасителя и выявило неспособность Буша и его администрации навязать Ближнему Востоку свое мнение и свои желания. Излишнее нарративное упрощение не позволяет, следовательно, совершенствовать «историю» и вредит своим авторам, теряющим монополию на создание национального сценария в пользу демократического лагеря и граждан, к которым вновь частично переходит возможность интерпретировать события³⁹. Усталость общества, поиск аутентичности⁴⁰ и нарастание внутренних проблем, в первую очередь экономических, требуют создания новой «истории», более того, новых политических судеб и героев, способных на создание связного вымышленного рассказа, еще больше отодвигающего на задний план сложности в международных отношениях.

38. Во время президентской кампании, за несколько недель до выборов, в одном из рекламных роликов Буш пользуется «историей» Эшли Линн, дочери одной из жертв атаки на Всемирный торговый центр (World Trade Center), для усиления своего образа защитника в роли главнокомандующего.

39. Опрос общественного мнения, проведенный Институтом Гэллага и USA Today 28–30 апреля 2006 года, показал, что 56% респондентов считают, что президент был «нечестен» и что он осуществлял выбор чиновников, руководящих страной, «по знакомству». 61% опрошенных считают, что федеральное правительство ими не занимается, и 58% отмечают рост недоверия к средствам массовой информации. Что касается опроса общественного мнения, проведенного Лихтманом/Зогби за несколько дней до того (22–26 апреля), то он демонстрирует, что 76% его участников считают, что американский конгресс больше не заслуживает доверия и что 44% граждан Америки думают, что Джордж Буш-младший использовал террористические атаки как повод начать войну с Ираком.

40. Engelhardt T. The End of Victory Culture. Boston: University of Massachusetts Press, 1998. P. 16–36.

Литература

- Aoun S. Le remodelage du Moyen-Orient, de l'Irak à la Syrie. Montréal: Études Raoul-Dandurand, 2005.
- Bernays E. Propaganda. NY: Horace Liveright, 1928.
- Boniface P., Hassner P. Réflexions critiques sur la scène internationale // Revue Internationale et Stratégique. 2002. № 46. P. 11–20.
- Cahiers de Médiologie. 2002. № 13. No. spéc. «La scène terroriste» / C. Lavenir, F.-B. Huyghe (eds.).
- Canetti E. Masse et puissance. P.: Gallimard, 1966.
- Charaudeau P. Le discours politique. Les masques du pouvoir. P.: Vuibert, 2005.
- Chernus I. Karl Rove's Scheherazade Strategy. URL: <http://www.tomdispatch.com/post/99707/>.
- Chernus I. Monsters to Destroy: The Neo-conservative War on Terror and Sin. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2006.
- De Durand E. Des différents usages du terme guerre et de leur signification dans les représentations politiques américaines // Transatlantica. 2001. № 1. Режим доступа: <http://transatlantica.revues.org/466>.
- Engelhardt T. The End of Victory Culture. Boston: University of Massachusetts Press, 1998. P. 16–36.
- Greimas A. J. Sémantique structurale. P.: Larousse, 1966.
- Juarrero A. Dynamics in Action, Intentional Behavior as a Complex System. Cambridge: MIT Press, 1999.
- Kagan R. Strategic dissonance // Survival. Winter 2002–2003. P. 138–139.
- Lits M. Du 11 septembre à la riposte. Les débuts d'une nouvelle guerre médiatique. Bruxelles: De Boeck, INA, 2004.
- Poletta F. It Was Like a Fever: Storytelling in Protest and Politics. Chicago: University of Chicago Press, 2006.
- Russell J. A., Casebeer W. D. Storytelling and Terrorism: Towards a Comprehensive Counter-Narrative Strategy // Strategic Insights. 2005. Vol. 4. Iss. 3. P. 1–16.
- Salmon Ch. Storytelling. La machine à fabriquer des histoires et à formater les esprits. Paris: Editions La Découverte, 2007.
- Sicherman H. Finding a Foreign Policy // Orbis. Spring 2002. P. 215–227.
- Tertrais B. La guerre sans fin. L'Amérique dans l'engrenage. P.: Seuil, 2004.
- Turner M. The Literary Mind. N.Y.: Oxford University Press, 1998.
- Vandehai J. Bush Calls Democracy Terror's Antidote // The Washington Post. 09.03.2005.
- Wong M. Ch.-P. The effects of story schemata on narrative recall. Hong-Kong: Lang Book Chapters, 1995.

History and Legitimation: the USA in the “War on Terror” (2001–2004)

Joseph Belletante. PhD in Political Science, Researcher at the Laboratorium Triangle in Lyon.
Address: 15 parvis René Descartes, BP 7000, 69342 Lyon Cedex 07, France.
E-mail: joseph.belletante@gmail.com.

Keywords: terrorism, America, storytelling, narrative politics, propaganda, Bush administration.

The geopolitical concept *War on terror* was created by the George W. Bush

administration after 9/11. The White House has invented classic good-against-evil stories and has tried to transform the 2004 election into a moral drama. Storytelling can also divert voters' attention away from the state of the war by evoking the great collective myths of the US imagination. The paper aims to prove this by analyzing four crucial speeches of President George W. Bush. History is used to legitimate both a political and a military program. The article shows by which

means the President tries to reap political profit by treating history in this way. How do stories enchant political reality, and how does this ideological use of meaning serve the interests of a political destiny?

To answer these questions, Greimas's discourse analysis methods have been employed. The American citizen is the principal hero, or *subject*, of the story. His psychological and physical states were threatened and then damaged, and since

then he has to fight to reestablish the world order and democracy to triumph over the Evil (*object*). For this purpose, he has to find terrorists (*opponents*) and to combat them to prevent them from committing a bigger evil. The American Army (*helper*) will be directed by the U. S. President who is also a guarantor of the nation (*sender*), who will do his best to give the gift of democratic values to the world (*receiver*).

References

- Aoun S. *Le remodelage du Moyen-Orient, de l'Irak à la Syrie*, Montréal, Études Raoul-Dandurand, 2005.
- Bernays E. *Propaganda*, New York, Horace Liveright, 1928.
- Boniface P., Hassner P. Réflexions critiques sur la scène internationale. *Revue Internationale et Stratégique*, 2002, no. 46, pp. 11–20.
- Cahiers de Médiologie, 2002, no. 13: "La scène terroriste" (eds C. Lavenir, F.-B. Huyghe).
- Canetti E. *Masse et puissance*, Paris, Gallimard, 1966.
- Charaudeau P. *Le discours politique. Les masques du pouvoir*, Paris, Vuibert, 2005.
- Chernus I. Karl Rove's Scheherazade Strategy. *TomDispatch.com*, July 7, 2006. Available at: <http://tomdispatch.com/post/99707/>.
- Chernus I. *Monsters to Destroy: The Neo-conservative War on Terror and Sin*, Boulder, CO, Paradigm Publishers, 2006.
- De Durand E. Des différents usages du terme guerre et de leur signification dans les représentations politiques américaines. *Transatlantica*, 2001, no. 1. Available at: <http://transatlantica.revues.org/466>.
- Engelhardt T. *The End of Victory Culture*, Boston, University of Massachusetts Press, 1998.
- Greimas A. J. *Sémantique structural*, Paris, Larousse, 1966.
- Juarrero A. *Dynamics in Action, Intentional Behavior as a Complex System*, Cambridge, MIT Press, 1999.
- Kagan R. Strategic Dissonance. *Survival*, Winter 2002–2003, pp. 138–139.
- Lits M. *Du 11 septembre à la riposte. Les débuts d'une nouvelle guerre médiatique*, Bruxelles, De Boeck, INA, 2004.
- Poletta F. *It Was Like a Fever: Storytelling in Protest and Politics*, Chicago, University of Chicago Press, 2006.
- Russell J. A., Casebeer W. D. Storytelling and Terrorism: Towards a Comprehensive Counter-Narrative Strategy. *Strategic Insights*, 2005, vol. 4, iss. 3, pp. 1–16.
- Salmon Ch. *Storytelling. La machine à fabriquer des histoires et à formater les esprits*, Paris, Editions La Découverte, 2007.
- Sicherman H. Finding a Foreign Policy. *Orbis*, 2002, vol. 46, iss. 2, pp. 215–227.
- Suskind R. Without a Doubt, Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush. *The New York Times*, October 17, 2004.
- Tertrais B. *La guerre sans fin. L'Amérique dans l'engrenage*, Paris, Seuil, 2004.
- Turner M. *The Literary Mind*, New York, Oxford University Press, 1998.
- Vandehai J. Bush Calls Democracy Terror's Antidote. *The Washington Post*, March 9, 2005.
- Wong M. Ch.-P. *The Effects of Story Schemata on Narrative Recall*, Hong-Kong, Lang Book Chapters, 1995.